

УДК 32.001:165(075.8)

ББК 66.0я73

X95

Хрусталеv М. А.

**Методология прикладного политического анализа: учебное
X95 пособие. — Москва : Проспект, 2011. — 160 с.**

ISBN 978-5-392-02261-8

**Нажмите здесь, чтобы купить полную
версию книги**

Курс лекций «Методология прикладного политического анализа» представляет собой продолжение курса «Прикладная теория международных отношений» и позволяет дать студентам общее представление о том, как внутривнутриполитическое состояние общества и государства влияют на внешнюю политику. Принципы политического анализа, изложенные в данном курсе, прошли серьезную практическую апробацию при проведении аналитико-прогностических исследований.

Значимость данного курса возрастает по мере развития процесса глобализации и вызываемого им размывания ранее достаточно четких границ между внешней и внутренней политикой. Все возрастающая вовлеченность российского общества в международные дела, а также недостаточная степень развития политического анализа в отечественной науке делает курс особенно актуальным.

Лекции представляют собой наиболее цельную, систематически продуманную версию курса «Анализ международных ситуаций», предусмотренного ФГОС ВПО по направлению «Международные отношения».

Издание адресовано преподавателям, студентам и специалистам в области международных отношений и политологии. Оно может быть использовано в качестве учебно-методической основы при изучении широкого спектра международно-политических проблем.

Учебное издание

Хрусталеv Марк Арсеньевич

МЕТОДОЛОГИЯ ПРИКЛАДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Учебное пособие

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»

www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.

Подписано в печать 25.12.10. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Печ. л. 10,0. Тираж 50 экз. Заказ №

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в ООО «Контент-пресс»

тел.: 8(495) 64-888-60

www.c-press.ru

УДК 32.001:165(075.8)

ББК 66.0я73

© М. А. Хрусталеv, 2009

© МГИМО(У) МИД РФ, 2009

© ООО «Проспект», 2011

Bk-world.ru

Содержание

Предисловие	3
Введение.....	4

ЧАСТЬ I. ПРИКЛАДНАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лекция 1. Генезис теории международных отношений (ТМО)	5
Лекция 2. Методология ТМО	12
Лекция 3. Метод моделирования.....	16
Лекция 4. Теоретический подход.....	18
Лекция 5. Система международных отношений и ее эволюция	25
Лекция 6. Система международных отношений и ее эволюция (продолжение).....	31
Лекция 7. Международные политические процессы	37
Лекция 8. Международные политические процессы (продолжение).....	42
Лекция 9. Внешнеполитическая программа	47
Лекция 10. Внешнеполитическая программа (продолжение).....	56
Лекция 11. Внешнеполитический курс и внешнеполитическая ситуация	64
Лекция 12. Внешнеполитический курс и внешнеполитическая ситуация (продолжение)	70

ЧАСТЬ II. ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Лекция 1. Политология и политический анализ	78
Лекция 2. Политика как предмет анализа.....	83
Лекция 3. Политика как предмет анализа (продолжение)	89
Лекция 4. Социальные субъекты политики. Этнические социально-политические субъекты	95
Лекция 5. Социальные субъекты политики. Этнические социально- политические субъекты (продолжение)	102
Лекция 6. Социальные субъекты политики. Конфессиональные социально-политические субъекты.....	111
Лекция 7. Социальные субъекты политики. Социально-классовые политические субъекты.....	119
Лекция 8. Институциональные и персональные субъекты политики	127
Лекция 9. Институциональные и персональные субъекты политики (продолжение).....	134
Лекция 10. Институциональные и персональные субъекты политики (продолжение)	142
Лекция 11. Политическая ситуация	148
Лекция 12. Процесс политической борьбы.....	154

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Это издание подготовлено в рамках Инновационной образовательной программы МГИМО-Университета «Формирование системы компетенций для профессиональной деятельности в международной среде в интересах укрепления позиций России» (приоритетный национальный проект «Образование»).

Инновационная образовательная программа, реализованная в 2007—2008 годах, обеспечила мощный импульс модернизации научно-образовательного процесса МГИМО-Университета. Создание новых учебных курсов, обновление образовательных программ, подготовка разнообразного методического обеспечения, осуществление широкого спектра научных исследований — все это было в числе наиболее приоритетных направлений нашей работы. За два года были разработаны 169 учебно-методических комплексов по международным отношениям, политологии, мировой экономике, менеджменту, международному праву, регионоведению, иностранным языкам. Значительная часть новых УМК была создана в технологичном формате, т. е. подготовленные учебники и учебные пособия сопровождаются мультимедийными презентациями и разработками для дистантных курсов.

В ходе Инновационной программы в МГИМО-Университете было создано или модернизировано свыше 20 образовательных программ (бакалаврских, магистерских, MBA и МРА), подготовлено более 50 научных монографий, которые могут также использоваться в учебном процессе. Это не случайно: интеграция науки и образования, внедрение самых передовых научных разработок в образовательный процесс — составная часть долгосрочной стратегии МГИМО как одного из лидеров Болонского процесса в России.

Учебники, учебные пособия и научные монографии, подготовленные в рамках Инновационной образовательной программы, создавались для студентов и преподавателей не только МГИМО, но и всех других вузов, в которых преподаются международные отношения, политология, мировая экономика, менеджмент, международное право, регионоведение, иностранные языки. Уверен, что они найдут широкую аудиторию.

*Ректор МГИМО-Университета МИД России,
академик РАН, профессор
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТОРКУНОВ*

Введение

Курс лекций «Прикладная теория международных отношений» читался профессором Хрусталевым М.А. в МГИМО с 1970 года. В советское время он дважды снимался, а затем вновь восстанавливался в учебном процессе факультета международных отношений (МО). Это объяснялось главным образом тем, что курс был ориентирован на преодоление идеологической заданности и придание теории международных отношений прикладного характера.

Ко второй половине 1970-х годов курс прошел период становления и приобрел тот вид, который сохранился до настоящего времени. С этого же времени началось использование излагаемой в нем теоретической концепции для нужд внешнеполитической практики. На ее основе был осуществлен целый ряд исследований аналитико-прогностического плана, которые продемонстрировали ее высокую практическую эффективность.

Курс лекций «Основы методологии политического анализа» представляет собой продолжение предыдущего курса «Прикладная теория международных отношений», поскольку позволяет дать студентам общее представление о том, как внутриполитическое состояние общества и государства влияет на внешнюю политику. Его формирование также было сопряжено с преодолением немалого числа трудностей, обусловленных влиянием идеологических стереотипов. Он был включен в учебную программу факультета МО только в 1992 году, после распада СССР в декабре 1991 года. Принципы политического анализа, изложенные в данном курсе, прошли серьезную практическую апробацию при проведении аналитико-прогностических исследований, руководство которыми М. А. Хрусталев осуществлял в 1970-е годы.

Значимость данных курсов возрастала по мере развития процесса глобализации и вызываемого ею размывания ранее достаточно четких границ между внешней и внутренней политикой. Учитывая все возрастающую вовлеченность российского общества в международные дела в связи с развитием процесса глобализации, а также недостаточную степень развития политического анализа в отечественной науке, представляется целесообразным ознакомить широкий круг отечественных политологов и обществоведов с концепцией профессора М.А. Хрусталева.

Курсы лекций адресованы преподавателям, студентам и специалистам в области международных отношений и политологии. Он может быть использован в качестве учебно-методической основы при изучении широкого спектра международно-политических проблем.

Лекции представляют собой наиболее цельную, систематическую продуманную, версию курса «Анализ международных ситуаций», предусмотренного ФГОС ВПО по направлению «Международные отношения».

ЧАСТЬ I. ПРИКЛАДНАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лекция 1. Генезис теории международных отношений (ТМО)

Появление теории международных отношений (ТМО) характерно для современного этапа развития науки, начавшегося со второй половины XX века и продолжающегося вплоть до настоящего времени. Его суть во многом альтернативна тенденциям предшествующих столетий, когда основным содержанием эволюции научной мысли была ее дифференциация. Как следствие общее число научных дисциплин составило от трех до пяти тысяч. Такое положение дел выдвинуло реальную угрозу дезинтеграции науки, когда ученые, принадлежащие к разным исследовательским областям, попросту перестали понимать друг друга. Реакцией на эту негативную тенденцию, т. е. дезинтеграцию научного знания, стало усиление обратного вектора в развитии науки — ее интеграции. Поскольку создание любой теории — это результат интеграции, то появление ТМО находится в русле этого вектора.

Генезис ТМО возможно определить как обобщение и системологию того, что было накоплено и осознано в смежных или близких дисциплинах. ТМО была продуктом их синтеза, который носит междисциплинарный характер и, видимо, еще окончательно не завершен. В качестве основных составляющих ее генезиса можно выделить политическую историю, международное право и военную науку.

Хорошо известно, что родиной политической истории была древняя Греция. Там оформились два принципиально различных подхода: описательный (Геродот), т. е. нарративный, и аналитический (Фукидид). Именно последний стал особенно ценным для формирования ТМО, ибо содержал ряд теоретических положений, касающихся международных отношений, в особенности проблематики войны и мира. В первую очередь внимание концентрировалось на выявлении причин вооруженных конфликтов, их онтологической природы. Этот фокус анализа международной политики породил представление об исключительной конфронтационности международных отношений. Весьма популярным было выражение: «Мир — это перерыв между войнами». Взгляд на политическую историю как на историю военного противостояния не лишен определенных оснований. С момента возникновения государств в мире велось, по подсчетам отечественных военных исследователей, более пяти тысяч войн.

Как уже говорилось выше, в древнегреческой политической истории наметились две различные ориентации, которые сохраняются и сейчас. Геродот, называемый нередко «отцом истории», считается

родоначальником нарративной ориентации, сводившейся к описанию событий. Иными словами, в его подходе к историческому материалу доминировал поиск ответа на вопрос «что?».

Принципиально других установок придерживался Фукидид, которому приписывается, и не без оснований, приоритет в разработке аналитической ориентации. Мыслителя прежде всего волновал вопрос, «почему?» те или иные события вообще имели место. Основопологающей работой его была «История Пелопонесской войны». Освещая ее, Фукидид стремился предложить свое объяснение ее происхождению, побудительным мотивам и стратегии лиц, принимающих решения в каждом из противоборствующих лагерей.

В связи с формированием аналитической ориентации нельзя не упомянуть и имя Аристотеля, который в ряде своих сочинений и, в частности, в «Политике» анализирует проблемы конфликтогенности, причем не только внутри государства, но и на межгосударственном уровне. Гибель античной цивилизации привела к утрате этой ориентации, возрождение которой началось с нового времени.

Второй компонент генезиса ТМО начал оформляться с приходом эпохи Возрождения, проходившей под влиянием античного наследия, в том числе и аналитической истории. Однако если Фукидид теоретизировал на базе онтологии, т. е. занимался анализом имевших место событий, то на излете средневековья усилился деонтологический подход, ориентировавшийся на построение идеального через сравнение его с реальным. Тут на смену истории приходит международное право, начиная с фундаментальной работы Гуго Гроция «О праве войны и мира». Значение деонтологии велико и сегодня. Ее последним словом можно считать так называемую теорию режимов.

Третья составляющая генезиса ТМО возникла на основе исследований военных теоретиков, в частности книги «О войне» К. Клаузевица, в которой он сформулировал тезис о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Иначе говоря, в трактовке Клаузевица, война не самоцель, а некое производное состояние, исполняющее по отношению к политике инструментальную, вспомогательную функцию, а цели все равно лежат в плоскости политики. В работе Клаузевица содержится и интересное предвидение о том, что в будущем война может принять «абсолютный облик», оторваться от политики и приобрести самодовлеющее значение. Вероятно, Клаузевиц интуитивно угадывал роль технологического фактора в мировых делах XX века.

Первый развернутый вариант ТМО был сформулирован в США в начале XX века. В этот период в американских академических кругах оформилась школа политического идеализма, выросшая из деонтологии и восходящая к юридической школе в целом, поскольку в ней трактовалась проблема того, какими должны быть международные отношения.

Одним из ведущих представителей данного направления был тогдашний президент США Вудро Вильсон, который в январе 1918 года обратился к конгрессу США с посланием, в котором излагался свой взгляд на новый мировой порядок. Это обращение, благодаря своей композиционной структуре, получило наименование «Четырнадцать пунктов В. Вильсона». Новая архитектура мировой политики должна была, по замыслу президента США, строиться на юридических и морально-этических принципах. Однако в тот период в МО по-прежнему действовало «право сильного» и идеалистическим представлениям американского президента в них было мало места. Вместе с тем в концептуальном плане идеи Вильсона были серьезной заявкой на создание некой теории.

Параллельно с политидеалистами выступили сторонники онтологии, которые не отрицали желательности выработки и соблюдения некоего морального кодекса в поведении государств, но при этом подчеркивали роль материальных факторов мировой политики. Это прежде всего адепты геополитики и марксисты, тяготевшие к ее экономоцентрическому объяснению.

Среди последних выход на собственно международно-политический уровень в теоретическом осмыслении осуществил В. И. Ленин, отразивший свои выводы в программной работе «Империализм как высшая стадия капитализма». В указанной работе делался вывод о неизбежности новой мировой войны, начало которой предопределялось внутренней логикой эволюции капитала. Последняя по необходимости должна была привести к тому, что мировые олигархические монополии схлестнутся в глобальном конфликте. Будучи предельно идеологически ориентированным, В. И. Ленин предлагал социалистам всех стран использовать войну для продвижения дела пролетарской революции.

Если концепция международных отношений марксизма-ленинизма была по преимуществу связана с экономической географией, то геополитика основывалась на особенностях физической карты мира. В геополитике ставился и решался вопрос о мировом господстве.

В ее рамках государства делились на морские и континентальные. Американский ученый Мэхен считал, что миром должны править морские державы. Соответственно борьба за мировое господство есть борьба за контроль за морскими коммуникациями. Английский исследователь Маккиндер отдавал предпочтение континентальным. Его концепция мирового господства была связана с европейским континентом. По мнению Маккиндера, есть некий географический центр мира — *heartland*, который находится в Центральной и частично Восточной Европе, а его опоясывает мировая окраина — *rimland*. Господство над центром дает власть над окраинами, вплоть до обретения мирового. Концепция Маккиндера, будучи в сущности антиисторичной, т. е. противоречащей историческим фактам, тем не менее оказалась

достаточно живучей. К концепции Маккинндера примыкала концепция немецкого ученого К. Хаусхоффера, который трактовал межгосударственные отношения как борьбу за жизненное пространство — *Lebensraum*, рассматривая ее как основную причину войн.

Нетрудно заметить, что если сторонники политического идеализма делали упор на проблематику установления мира, то последователи марксизма-ленинизма и adeпты геополитики — на неизбежность и вечность войны.

Современным вариантом геополитических взглядов можно считать науку полемологию, активно развиваемую во Франции. В ее русле трактуются вопросы о причинах войн, каковые объединяются в три блока:

демографический, предполагающий, что войны начинаются между соседними государствами, в одном из которых наблюдается демографический взрыв и следующая за ним демографическая экспансия;

природно-климатический, выводящий войны из стремления государств занять наиболее благоприятные территории с точки зрения рельефных и погодных условий (Россия в этом свете мало привлекательна для вооруженных захватов, так как от 60 до 70 % территории ее непригодны для обитания);

ресурсный, связывающий войны с конкуренцией за обладание ресурсами, причем недопустима редукция к одним энергоносителям, это и ресурс пресной воды.

В настоящее время, действительно, эти причины оказывают немалое влияние на состояние международных отношений, но далеко не всегда ведут к войнам. Демографический взрыв в развивающихся странах стимулирует миграционные потоки, которые устремляются с Юга на Север, что влияет на политическую обстановку в развитых странах. По оценкам фонда Никсона (мозговой центр Республиканской партии), в ближайшие 15 лет численность населения, например, в мусульманском мире увеличится на 100 млн человек. Экономике этих стран, в основном бедные, с отсталой отраслевой структурой хозяйства, не в состоянии абсорбировать эту избыточную демографическую массу, как следствие они потянутся на Север. Между тем современные экономики развитых стран Запада могут обеспечить этих людей продовольствием, но не водой. Следовательно, считается, что в обозримом будущем основная борьба развернется за близость к источникам пресной воды. Однако нельзя не видеть, что сам по себе «демографический взрыв» и миграционные потоки к каким-либо войнам не привели.

С окончанием Второй мировой войны инициатива в разработке ТМО перешла в руки политических реалистов. Называя себя «реалистами», эти исследователи подчеркивают свою принципиальную онтологическую ориентацию (*Real Politic*). Основателем школы политического реализма был Г. Моргантау, а наиболее выразительным образцом

практической реализации — Генри Киссинджер. Любопытно, что Моргентау получил юридическое образование, т. е. по логике должен был исповедовать деонтологические взгляды. И тем любопытнее его трансформация в сторону онтологического мышления.

По мнению Г. Моргентау, международные отношения — это поле ожесточенной борьбы за власть — *power*, но с равным основанием этот термин может быть передан и как *сила*, дающая такую власть, поскольку испокон веков именно сила, чаще всего военное могущество, играла в МО ведущую роль. В современном мире военный аспект влияния несколько потеснен экономической мощью государств.

Дальнейшая эволюция названных «канонических» парадигм шла по пути из совершенствования и временной адаптации. На базе идеализма была создана теория международных режимов, предусматривающая, что новый международный порядок формируется все в большей степени не как производная от применения военной и экономической силы, а как результат сознательного введения четких норм и правил поведения в сфере международных отношений. Появилось даже понятие «цивилизованные» страны, т. е. те, кто соблюдает эти нормы и правила. Однако пример США весьма наглядно показывает, что при необходимости они легко нарушаются.

Реализм довольно скоро уступил место неореализму, в котором дается более детальная характеристика борьбы за власть с меньшим упором на военную силу. Кроме того, неореализм не ограничивает список субъектов международных отношений государствами, имея в виду возросшую активность на мировой арене различных политических и общественно-политических организаций и движений (церкви, профсоюзов и др.).

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. происходит интервенция естественных наук в обществоведение, т. е. интенсивное внедрение их достижений в гуманитарное знание. Олицетворением их синтеза становится американская школа «модернистов», отражавшая общенаучную тенденцию операционализации теоретического знания. Их ключевой тезис заключался в том, что любая научная дисциплина теоретического плана должна быть прикладной. Она должна быть доведена до такого уровня, когда ее можно использовать для анализа и прогноза реально происходящих процессов.

Основной упор «модернисты» делали на проблемы квантификации (выражение качественных свойств объекта в количественной форме). Все, что не может быть измерено, настаивали они, не является научным. Руководствуясь этой идеей, «модернисты» отсекали ту информацию или те гипотезы, которые принципиально не поддаются исчислению.

Предтечей модернистов можно считать английского ученого Л. Ричардсона, работавшего в межвоенный период. Он исследовал феномен гонки вооружений в преддверии Второй мировой войны и вывел ее

формулу. В процессе наращивания арсеналов наступает такой момент, когда государство вынуждено начать войну. В противном случае его постигнет тяжелый экономический кризис.

Этот момент количественно выражается в доле ВВП, расходуемой на оборону (10 %), и в части населения, занятой в вооруженных силах и иных военизированных формированиях (1 %). В США в настоящее время расходы на оборону составляют 3,5 % ВВП. В период холодной войны эта цифра достигала 7 %, в то время как в СССР аналогичный показатель доходил до 20–22 %. Другими словами, речь шла об экономическом перенапряжении, которое не могло продолжаться долго, так как рассчитанный Ричардсоном порог былкратно преодолен. Очевидно, что чем дольше такая ситуация сохраняется, тем глубже последствия неизбежного коллапса экономики.

Впрочем, достаточно быстро «модернисты» столкнулись с серьезными вызовами, поскольку от них потребовали дать прогностические оценки существующих конфликтов и определить потенциальные, но успехов тут было меньше, чем неудач. Стало ясно, что эта школа, изначально ориентировавшаяся на практический выход для принятия оптимальных внешнеполитических решений, оказалась существенно ограниченной в своих возможностях в силу состояния ТМО.

Тем не менее полезность «модернизма» заключается в том, что им был разработан и успешно апробирован целый ряд информационно-аналитических методик, использование которых повысило операциональный потенциал ТМО. Не менее важно и то, что «модернисты» стимулировали тенденцию системологизации ТМО, и прежде всего ее понятийного аппарата. Эта проблема пока еще полностью не решена.

Все вышеупомянутые школы возникли и развивались в рамках американской науки во время холодной войны, когда США вели борьбу за мировое господство. Их политическая элита достаточно хорошо понимала значение науки в деле оптимизации внешнеполитической практики. А как обстояло дело в СССР, который был основным противником США?

Вплоть до конца 1960-х гг. ТМО в СССР было табуировано. Считалось, что ее нет и быть не может, поскольку международно-политическая ситуация развивалась согласно официальной идеологии, в соответствии с логикой классовой борьбы, а конечная цель этого развития была известна наперед — торжество коммунизма в планетарном масштабе.

Между тем обстоятельства на мировой арене на рубеже 60-х–70-х гг. складывались не в пользу Советского Союза, что побудило советское руководство скорректировать свои установки и свыкнуться с мыслью о необходимости исходить не только из идеологии, а из более реалистического осмысления положения дел. Именно в этот период было решено придать импульс разработке собственной версии ТМО.

Впрочем, официальная наука по-прежнему исключала возможность сомнений в правильности марксистско-ленинской доктрины. Так, в 1976 г. академик Шахназаров «доказал» в своей книге, что империализм находится на стадии деградации и вот-вот произойдет победа социализма в глобальном масштабе. Любопытно, что именно он впоследствии был одним из главных советников Горбачева, консультировавшим его по вопросам нового политического мышления.

В 1970 г. ТМО появилась в виде спецкурса на факультете МО в МГИМО. Начиная с этого момента стали оформляться две школы по изучению международных отношений. Одна из них пропагандировалась ИМЭМО и строилась на так называемой критике буржуазных теорий, что по существу означало скрупулезное изложение американских теоретических концепций. Эта школа особенно отчетливо сфокусировалась в монографии «Современные буржуазные теории международных отношений», опубликованной в 1975 г. Данная монография была весьма полезной, так как знакомила отечественных специалистов-международников с состоянием ТМО.

Школа, разрабатывавшаяся в МГИМО, была совершенно другого рода. Ее специфика диктовалась вполне конкретно поставленной перед этим ведомственным учебным учреждением задачей — предоставлением практических наработок в интересах МИД, и других органов власти. От исследователей, работавших в МГИМО, требовалось обеспечить научную подпитку процесса принятия внешнеполитических решений. Соответственно, вся их работа была ориентирована на операционализацию ТМО, т. е. превращение ее в прикладную теорию, позволяющую осуществить аналитико-прогностическое исследование широкого спектра международных ситуаций (включая внутривнутриполитические).

После обвала Союза в силу ряда субъективных и объективных факторов обе эти школы ослабли. Инициатива была перехвачена кафедрой социологии международных отношений МГУ под руководством П. А. Цыганкова, который по существу продолжил традиции школы ИМЭМО.

Вместе с тем потребность в научном сопровождении внешней политики сегодня несравненно выше, чем даже в советские времена. Нельзя игнорировать и общемировой тренд — неуклонное повышение «научо-емкости» внешней политики. В ведущих странах мира давно поняли, что механизм принятия внешнеполитических решений, особенно судьбоносного характера, должен быть серьезно и всесторонне проработан в научно-теоретическом плане.

Рональд Рейган, уходя с должности президента Соединенных Штатов, подчеркнул, что при нем в мире было снято 40 диктатур. Не будучи профессионально достаточно хорошо подготовленным, он испытывал определенный пиетет перед наукой и в силу этого стремился придать внешней политике США прочную научную основу.

В частности, решение о проведении целенаправленной политики по ликвидации военных диктатур было принято под влиянием разработок американских ученых, которые показали, что установление диктаторских режимов ведет к поляризации общества и в перспективе — к распространению экстремистских идей леворадикального и коммунистического толка («распространение коммунизма»). Из этого делался вывод, что традиционный внешнеполитический курс США на поддержку военных диктатур в Латинской Америке изжил себя и не отвечает интересам Соединенных Штатов. Отсюда цель — снятие диктатур. Решение это было отнюдь не простым, ибо за военными диктатурами, как правило, стояли крупные американские ТНК.

Сегодня степень наукоемкости внешней политики США можно проиллюстрировать следующей цифрой: в США трудятся 80 % специалистов-политологов мира, из которых почти половина, если не больше, — международники. В стране функционируют сотни специализированных научно-исследовательских центров и институтов, налажена разветвленная информационная сеть между ними. Все это, несомненно, способствует повышению эффективности научного обеспечения внешней политики.

Лекция 2. Методология ТМО

Любая научная дисциплина имеет свой предмет исследования и свой метод (методы). Применительно к ТМО вопрос о ее предмете был решен еще до ее возникновения в рамках исторической науки, где произошло выделение соответствующей субдисциплины — истории международных отношений (имелись в виду политические отношения). В последнее время стал использоваться более научно-корректный термин «мировая политика».

Что касается метода, то исследователи, работающие в области ТМО, избегали его определения, поскольку правильнее будет говорить о методологии, которая, в принципе, включает три составляющие: метод, общетеоретический подход и методики (технологии исследования). Рассмотрим их в указанной последовательности.

Метод — это тот образ действий, который используется для получения необходимого результата. Для исследовательского метода это новое знание. Он является высшей единицей в таксономическом ряду: метод — способ — прием. Соответственно, по отношению к двум другим членам ряда он является высшим, а следовательно, и более общим.

Природой человеку дано два основных мыслительных инструмента познания — интуиция и логика, с их помощью человек осуществляет исследование любых объектов реальности. С изучением данного мыслительного инструментария налицо явная асимметрия. Логика изучена

несравненно более полно, чем интуиция. Исследованием законов логики, как известно, занимались еще мыслители античности и добились в этом отношении немалых успехов. Именно логика лежит в основе развития науки, ибо любая теория есть логическая конструкция.

В отличие от логики интуиция исследована пока еще достаточно слабо. Считается, что она есть результат работы подсознания. Люди с высокоразвитой интуицией иногда поразительно точно предсказывают будущее, однако они не могут, как правило, обосновать свое предсказание, ибо по самой своей природе ситуация не отвечает на вопрос «почему?».

Вместе с тем нельзя не видеть, что интуиция гораздо менее надежный инструмент по сравнению с логикой, так как тяготеет к случайному выбору. Соответственно, и ошибки в этом случае становятся более частными.

Сочетание логики и интуиции определяет характер научно-исследовательского метода. Таковых методов три: логико-интуитивный, моделирование и исчисление. Первый является в сущности традиционным для общественных наук. Продуктами его применения являются содержательные исследования, т. е. монографии, статьи, доклады и т. п. В нем, наряду с логикой, немалую роль играет интуиция. Данный метод используется и при проведении экспертизы.

В качестве альтернативы логико-интуитивному методу выступают методы моделирования и исчисления, где абсолютно доминирует логика, причем у последнего формальная, т. е. математическая.

ТМО характеризуется дуализмом метода, так как в ней используется как логико-интуитивный метод, пока преобладающий, так и моделирование. Метод исчисления используется в редких случаях и серьезного значения не имеет. Мощным стимулятором развития метода моделирования является компьютеризация всей научной деятельности. «Диалог» с компьютером возможен только на модельном уровне. Логико-интуитивный метод, в принципе, такой возможности не дает.

Логико-интуитивный метод

Существуют две основные формы использования логико-интуитивного метода: содержательное исследование и экспертиза. При тождестве метода вторая высоко оперативна, а первая — нет, а следовательно, менее практически значима. Первыми «экспертами» принято считать специалистов в сфере мантики (предсказания будущего) — прорицателей разного рода. Естественно, к науке они отношения не имели и не имеют. Экспертиза в строгом, научном смысле слова стала развиваться относительно недавно, во второй половине прошлого века и тем не менее достаточно интенсивно, что привело к появлению широкого спектра ее вариантов. Существующая их типология представлена в следующей таблице.

Таблица 1

Процесс Участники	Свободная	Регулируемая	Программируемая
Индивидуальная	Консультация	Разработки разного рода (доклад, граф и т. п.)	
Групповая (заочное)	Анкетирование (открытые вопросы)/ (закрытые вопросы)		Экспертные оценки
Коллективная (очное)	«Круглый стол»	Мозговой штурм «Комиссия»	Имитационная игра

В таблицу включены не все существующие варианты экспертизы, а лишь основные. Из них наибольшее распространение получили коллективная свободная и регулируемая экспертизы (если исключить консультацию), поскольку именно они наиболее оперативные, не требуют большого ресурса времени на подготовку и проведение. Эти два варианта, как правило, применяются при проведении так называемого ситуационного анализа.

На второе место по степени применимости можно поставить варианты групповой экспертизы, однако ее проведение, как правило, связано с рядом административно-технических трудностей и требует значительно большего времени.

Разница между групповой и коллективной экспертизой заключается в том, что первая не предполагает контактов экспертов, тогда как вторая, напротив, предусматривает их тесную совместную работу, дискуссию.

Экспертная система — это компьютерная программа, моделирующая мышление отдельно взятого выдающегося эксперта. Этот вид экспертизы не получил широкого распространения, так как моделированию, по понятным причинам, не поддается интуиция.

Выше уже отмечалось, что свободная и регулируемая коллективная экспертиза используются для проведения ситуационного анализа. Перед экспертами, участвующими в нем, могут быть поставлены следующие четыре категории задач.

1. *Фактологическая* — сообщить имеющуюся у них новую информацию об объекте (ситуации).
2. *Аналитическая* — выделить основные особенности ситуации.
3. *Прогностическая* — выявить тенденции эволюции объекта, определить доминирующую.
4. *Операциональная* — разработать комплекс практических мер по стимулированию позитивных и блокированию негативных тенденций в развитии ситуации.

Чаще всего при организации ситуационных анализов ограничиваются решением второй и третьей задач. Фактологическая задача ставится тогда, когда ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности, которая может быть как результатом умышленных действий (дезинформация, сокрытие информации и т. п.) или возникать объективно (слаборазвитая, изолированная страна).

Оценка эффективности экспертизы зависит от того, в какой степени была реализована та задача, которая была перед ней поставлена. В этой связи нельзя не затронуть проблему псевдоэкспертизы. Если экспертиза организуется для выяснения мнения высококвалифицированных специалистов, то псевдоэкспертиза — для подкрепления их авторитетом некоего уже существующего мнения, выгодного ее организаторам. Соответственно, псевдоэкспертиза может быть квалифицирована как сугубо пропагандистское мероприятие.

Применение логико-интуитивного метода — это по существу реализация индивидуальных творческих способностей человека. Работа в коллективе в этом плане мало что меняет, ибо если логику можно понять и повторить, то об интуиции этого сказать нельзя. Интуитивное суждение, как правило, не может быть обосновано даже самим его автором. Речь, естественно, идет о научно-корректном обосновании.

Логико-интуитивному методу присущ ряд серьезных достоинств, среди которых можно выделить такие, как эвристичность, диалектичность и реалистичность. Под первой имеется в виду способность человека отделять главное, существенное от второстепенного, мало-значимого (в философском смысле атрибутивное от акцидентного). Что касается диалектичности, то в данном случае имеется в виду способность человека использовать нелинейную логику. В этой связи нельзя не привести высказывание Гегеля: «Если в вашем рассуждении нет противоречия, значит, в нем есть заблуждение». Противоречие предполагает как минимум наличие двух противоположных ракурсов. Реалистичность — это наличие так называемого здравого смысла, т. е. обобщенного общественного опыта.

Однако логико-интуитивному методу присущи и серьезные недостатки, и в частности, субъективизм, который находит свое выражение прежде всего в личностных предпочтениях, влиянии эмоций и т. п. Для него характерна информационная ограниченность, которая обусловлена характеристиками человеческого мозга. В условиях информационного бума, масштабы которого становятся все большими, данный недостаток приобретает все большее значение, причем развитие компьютерных технологий пока не смогло оказать заметного влияния на все возрастающую информационную перегрузку.

Нельзя не отметить еще один его недостаток, который можно квалифицировать как стереотипизацию, особенно связанную

с идеологической заданностью. Само по себе формирование стереотипов — явление необходимое и объективно-полезное во многих видах человеческой деятельности, но наука по самой своей природе инновационна, и в ней устойчивые стереотипы играют отнюдь не положительную роль. Они в современном, быстро меняющемся мире во многих случаях становятся опасным анахронизмом.

Таким образом, применение логико-интуитивного метода не исключает, даже скорее предполагает наличие ошибок, а в условиях информационного бума вероятность этих ошибок достаточно быстро увеличивается. Особенно это касается прогностического аспекта исследования, где достоверность даваемых оценок, как правило, имеет очевидную тенденцию к понижению.

Информационный бум в сочетании с непрерывным усложнением политических реалий приводит к тому, что информационная перегрузка исследователя все больше дополняется его интеллектуальной перегрузкой, причем последняя является основным источником грубых, элементарных ошибок, последствия которых могут быть трагическими в том случае, когда они влияют на принятие ответственных политических решений. Это порождает повышенный интерес к методу моделирования, так как он снимает отрицательные моменты, присущие логико-интуитивному методу. Вместе с тем он вряд ли может полностью вытеснить в обозримом будущем логико-интуитивный метод, поскольку моделирование — весьма трудоемкая вещь и его использование наиболее целесообразно при исследовании особо сложных ситуаций и процессов. Существенным препятствием в его развитии продолжает оставаться слабая структурированность ТМО, системологизация которой пока еще не завершена. Однако его потенциал в перспективе достаточно высок.

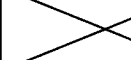
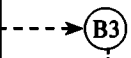
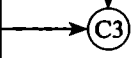
Лекция 3. Метод моделирования

Под моделью принято понимать логическую конструкцию, отображающую определенные (как правило, существенные) свойства объекта исследования. В зависимости от того, берется ли состояние объекта в некоторый момент времени или на протяжении определенного периода, модели подразделяются на модели ситуаций (статические) и модели процессов (динамические). Вместе с тем сам процесс представляет собой ряд последовательно сменяющих друг друга ситуаций, а следовательно, при построении модели подобного рода всегда приходится решать проблему выбора исходной ситуации, т. е. начала процесса, что не всегда легко. Серьезным преимуществом динамической модели, по сравнению со статической, является более высокий прогностный потенциал, который позволяет более четко выявить тенденции развития.

В англоязычной литературе существует специальное понятие: *trend analysis*, которое обозначает выявление тенденций развития.

Процесс построения модели конкретной политической ситуации представляет собой переход (желательно, последовательный) от одного типа модели к другому. Соответственно, для того чтобы логика такого рода перехода была понятной, необходимо начать с типологии политических моделей, которая имеет следующий вид.

Таблица 2

Форма модели Содержание модели	I. Вербальная	II. Вербализованная	III. Квантифицированная
A. Концептуальная			
B. Теоретическая			
C. Конкретная			

Вышеприведенная типология нуждается в пояснении. В ее основу положена дифференциация информации по форме и содержанию. Соответственно в первом случае это — естественный язык, графические конструкции различного рода (таблицы, графики, диаграммы и т. п.) и число (цифровые выражения). Однако следует заметить, что только в вербальной модели форма может быть относительно чистой. Что касается двух других, то там наряду с графикой и числовыми выражениями используется и естественный язык, хотя он там, в отличие от вербальной модели, не несет основной смысловой нагрузки.

Дифференциация моделей по содержанию основывается на делении информации на абстрактную и конкретную. По существу первая представляет собой теоретическое знание, которое в свою очередь может быть или предельно абстрактным (философия и общенаучные теории) или представлять собой абстрактное знание среднего уровня, т. е. частно-научные, предметные теории, к которым относится и ТМО.

Данная таблица представляет собой в известном смысле ту «карту», по которой можно проследить пути построения конкретной модели. Сплошной линией в ней показаны надежные, а пунктирной — ненадежные, т. е. движение по которым сопряжено с риском неудачи. Даже беглый взгляд на структуру этих путей показывает, что ключевым

критерием ненадежности является естественный язык с его полисемией и нечеткой логикой. Чем больше логических переходов в вербальном описании, тем выше вероятность появления нечеткостей и неоднозначностей, но ведь модель — это строгая логическая конструкция. Только формализация позволяет их выявить и устранить. Если вербальное описание не удастся формализовать, то можно считать, что построить модель не удалось. На концептуальном уровне, где число логических связей невелико, процесс формализации может быть несложным, но при дальнейшем движении к более низким уровням он резко и заметно усложняется.

Из таблицы видно, что путь к построению квантифицированных (математизированных) моделей, которые принято считать наиболее строгими (об этом свидетельствует опыт естественных наук) лежит через формализацию. Соответственно, любая попытка обойтись без нее заведомо обречена на неудачу.

В заключение необходимо сделать одно замечание, которое представляется чрезвычайно важным. Суть его в том, что исходной точкой моделирования является вербальная концептуальная модель. Хотя некоторые зарубежные исследователи утверждают, что ими строятся так называемые эмпирические модели, т. е. исходным пунктом моделирования якобы выступает конкретная модель, однако при этом игнорируется тот очевидный факт, что в ходе получения образования, и в частности профессионального, данный исследователь получает и усваивает вполне определенную «картину мира» (определенную глобальную концепцию или концептуальную модель), которая содержит не только онтологическую, но и деонтологическую (идеологическую) составляющую.

Лекция 4. Теоретический подход

Теоретический подход — это та научная основа, исходя из которой исследователь осуществляет осмысление полученной им информации, а следовательно, возможность адекватного формирования представления о ситуации. Среди ученых-физиков бытует выражение: «Самым практичным является хорошая теория». С этим нельзя не согласиться.

Хронологически первым был историософский подход, вышедший из недр философии, зародившейся в Древней Греции. По существу, это была попытка истолковать историю с позиций философии, постигнуть внутреннюю логику исторического процесса, открыть его всеобщие универсально действующие законы, а сама философия в целом претендовала на раскрытие сущности мироздания. В последующем выделился даже особый ее раздел — политическая философия, в развитии которой участвовали многие выдающиеся философы Нового времени. Сейчас в англоязычной науке для ее обозначения используется термин «политическая теория» (*political theory*).

Не вдаваясь в детальный анализ историософской проблематики, необходимо лишь отметить, что в ней достаточно явно выделяются две альтернативные точки зрения, получившие название материалистического и идеалистического представления о развитии человеческой цивилизации. Экстремальным выражением первой стал марксизм (экономоцентрический взгляд на мир), который сейчас трансформировался в так называемую критическую теорию.

Последним словом идеалистического представления можно считать концепцию развития цивилизаций английского исследователя А. Тойнби, лейтмотивом которой является эволюция религий (конфессиональная эволюция).

Обе вышеупомянутые концепции предельно абстрактны и спекулятивны, хотя их авторы стремились подкрепить их большим фактическим материалом. В частности, основополагающая работа А. Тойнби состоит из 12 томов. Политическим «выходом» его концепции в настоящее время стал тезис о «борьбе цивилизаций», сомнительная научная ценность которого достаточно очевидна. Что касается марксизма, то социалистический эксперимент в СССР говорит сам за себя.

Бурное развитие теоретического знания во второй половине XIX в. и начале XX в. привело к появлению так называемых общенаучных и частнонаучных теорий. Их возникновение и развитие были обусловлены ускоряющейся дифференциацией научного знания, следствием которой стала его дезинтеграция. Ответом на нее стало развитие интегративной концепции, выразившееся в формировании вышеуказанных теорий.

Если философия рассматривает мир во всех его аспектах в целостности, то общенаучные теории выделяют в окружающем нас мире некое универсальное и существенное свойство и концентрируют на нем свое внимание. В 60-е годы прошлого века американский ученый Т. Кун назвал выделение такого рода свойства парадигмой. Соответственно, все развитие науки представляет собой не что иное, как непрерывную смену парадигм (парадигмальная эволюция).

Параллельно со становлением общенаучных теорий происходило формирование частнонаучных, т. е. предметных на монодисциплинарной (например, теория государства и права) или междисциплинарной основе. К категории этих последних может быть отнесена ТМО.

Появление каждой новой парадигмы, т. е., в сущности, смена акцента с одного аспекта действительности на другой, приводило к появлению одной или нескольких общенаучных теорий, которые в свою очередь оказывали влияние на парадигмальную эволюцию частнонаучных теорий.

Взятая в целом, парадигмальная эволюция может быть выражена в виде следующей формулы: $m \rightarrow e \rightarrow i \rightarrow o$. Соответственно, m — это механистическая, e — энергетическая, i — информационная

и о — организационная парадигмы. Нетрудно заметить, что все они первоначально были сформулированы в сфере естественных наук и лишь затем были перенесены в сферу общественных на основе принципа изоморфизма (логического подобия). Каждая общенаучная парадигма образует определенный теоретический подход, который актуализуется в виде определенной общенаучной теории (теорий). В настоящее время энергетическая парадигма актуализуется в синергетике, информационная — в кибернетике, а организационная — в общей теории систем (ОТС).

Вместе с тем все общенаучные теории характеризуются предельной степенью абстрактности, т.е. вместе с философией занимают высший уровень в таксономическом ряду: всеобщее — особенное — единичное. Соответственно, при исследовании конкретного (единичного) они должны сочетаться с частнонаучными теориями (особенное). Как следствие, теоретический подход, используемый в той или иной частнонаучной теории, а ТМО является именно таковой, представляет собой комбинацию общенаучного и частнонаучного. В зависимости от того, какая из этих составляющих является доминирующей, данный подход может быть или субстанциональным или изоморфным. В первом случае доминирует частнонаучная теория, а во втором — общенаучная. В рамках последнего соответствующая частнонаучная теория может быть вообще оттеснена на задний план другой, изучающей иную предметную область.

Исходя из вышесказанного, основные теоретические подходы, используемые в настоящее время в ТМО, можно представить в следующем виде.

Таблица 3

Соотношение Парадигма наук		
	I. Субстанциональный	II. Изоморфный
А. Философская	Историософский	
В. Механистическая	Факторный	Геополитический
С. Энергетическая	?	Синергетический
Д. Информационная	Кибернетический (би-хейвиоральный)	Теоретико-игровой
Е. Организационная	Системный	Структурно-функциональный

В данную таблицу занесены только наиболее распространенные теоретические подходы, но отнюдь не все. Среди них есть и весьма «экзотические», в частности, изоморфные в рамках энергетической парадигмы (климатологические, астрологические и т.п.).

Говоря о теоретических подходах, нельзя не коснуться вопроса об их взаимосвязи с научно-исследовательским методом. Он является

достаточно строгой при историософском подходе. Он всегда сочетается с логико-интуитивным методом. Они образуют своего рода синкретическое единство, т. е. традиционную синкретическую методологию. Для остальных подобного рода однозначное сочетание не характерно. Тут существенную роль может играть субъективный выбор исследователя, зачастую продиктованный той профильной специализацией, которую он получил в процессе образования.

Разработка изоморфных подходов происходила на волне «интервенции» естественных наук в обществоведение, причем не в последнюю очередь в ТМО. Стремилась придать ей прикладной характер, что выражалось, с одной стороны, в попытках ее ускоренной математизации (квантификации), а с другой — в внедрении самых разнообразных методик. И если первую из этих задач представителям естественных наук решить так и не удалось, несмотря на отдельные, сугубо частные успехи, то этого нельзя сказать о второй. Как следствие, ТМО приобрела свой методический раздел, т. е. стала методологически полной.

Данный успех был не случаен, так как объясняется в основном предметной индифферентностью методики. Она представляет собой некую технологию, т. е. некую совокупность приемов или процедур. В ТМО наибольшее значение приобрели информационно-аналитические методики — процедуры обработки информации.

Методики

В самом общем виде можно выделить два класса используемых методик: информационно-аналитические и операциональные. Как уже отмечалось выше, в рамках ТМО наибольшее распространение получили первые. Что касается вторых, то это в основном методики организации и проведения экспертиз. В последнее время идет интенсивная разработка методик моделирования, однако в силу ряда причин успехи в этом отношении достаточно ограничены.

Информационно-аналитическая методика — это процедура отработки информации, которая направлена на ее преобразование. Она находит свое выражение, с одной стороны, в изменении ее формы, в частности, в трансформации вербального текста в графическую (формализация) и (или) числовую (квантификация) конструкцию, а с другой — в «сжатии» (агрегации) текста и выделении его латентных элементов (экстрагации), которые не могут быть выделены при его чтении или прослушивании, даже неоднократном.

Разработка первых информационно-аналитических методик относится к началу прошлого века, однако наиболее интенсивно она проходила в 50–60-е годы. Затем она существенно замедлилась, видимо, наступило некое насыщение, связанное в немалой степени с эпистемологическими трудностями. В настоящее время типология

используемых информационно-аналитических методик имеет следующий вид.

Таблица 4

Формы	Функции	I. Агрегативные	II. Экстрагативные
А. Логико-лингвистические	Конспект Реферат Аннотация	Контент-анализ	
В. Логико-графические	Флеш-диаграммы Графы Матрицы	Ивент-анализ	
С. Математические	Шкалирование	Статистические процедуры	

Остановимся подробнее на некоторых экстрагативных методиках, представляющих наибольший интерес.

Контент-анализ. На сегодняшний день известно более 100 вариантов контент-анализа и около 70–75 компьютерных программ, предназначенных для его машинного проведения.

Впервые контент-анализ был апробирован британскими спецслужбами в годы Второй мировой войны. Они испытывали дефицит информации о внутреннем положении в Германии и Италии. Для получения информации англичане стали анализировать материалы немецкой радиопропаганды и на этой основе сделали 108 прогностических выводов, 99 из которых подтвердились. Впоследствии эффективность контент-анализа только увеличивалась, так как стали разрабатываться все более совершенные его варианты. Не вдаваясь в их анализ, что представляет собой особую и достаточно сложную тему, следует заметить, что в общем плане суть контент-анализа может быть выражена поговоркой: «У кого что болит, тот о том и говорит», т. е. чем более значимой является проблема, тем чаще ее упоминают.

Развитие методики контент-анализа позволило решать ряд задач, и в частности, исследовать стиль мышления правящей политической элиты и отдельных ее представителей. В этой связи хотелось бы привести пример анализа стиля мышления советской правящей элиты в наиболее острый период холодной войны в конце 50-х — начале 60-х гг. Информационную базу исследования составили публикации советской прессы. Было выделено 4 типа элит — политическая, военная, экономическая и научная. Предметом изучения была степень учета разными элитами факторов, в наибольшей степени влияющих на принятие внешнеполитических решений. Для достижения большей репрезентативности картины исследование советской элиты проводили не изолированно, а в сравнительном ключе — в сопоставлении с американской элитой.

Таблица 5

Фактор Тип элиты	Международная обстановка, % СССР — США	Экономика, % (финансовые расходы), СССР — США	Внутренняя ситуация, % СССР — США
Политическая	45–20	20–25	35–55
Военная	70–25	10–15	20–60
Экономическая	15–5	40–35	45–60
Научная	30–15	0–20	70–65

Даже беглый взгляд на приведенную таблицу позволяет сделать целый ряд нетривиальных выводов. В частности, что среди американских элит наблюдается единодушие в ориентации на внутреннее положение в США как решающего фактора при разработке внешнеполитического курса. Обратная картина наблюдалась среди советских элит, расхождения между ними были достаточно велики. Четко просматривается принципиальное расхождение между военной и научной элитами, а также между военной и экономической. У этой последней, как и у научной, явно просматривается обеспокоенность внутренней ситуацией, если учитывать характер советской идеологии.

Используется контент-анализ и для построения политико-психологического портрета государственных деятелей. Любопытны результаты контент-аналитического исследования, сделанного на материалах интервью Хрущева и Никсона. Исследователей, в частности, интересовала степень их компетентности. В качестве критериев некомпетентности были приняты три категории ответов: *«аргумент на публику»* (шутки, пословицы и поговорки, афоризмы и т. д.), *«комплексный вопрос»* (уклонение от ответа на заданный вопрос путем ссылки на якобы особую сложность проблемы, ее многогранность и т. д.), *«разговор не по делу»* (уход от ответа путем выдвижения некоей другой проблемы). Результаты контент-анализа имели следующий вид.

Таблица 6

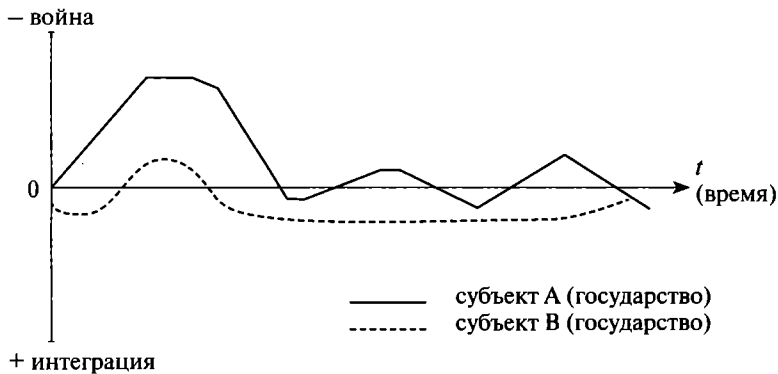
Персоналии Тип ответа	Хрущев, % от общего числа высказываний	Никсон, % от общего числа высказываний
I — «аргумент на публику»	22,6 %	12 %
II — «комплексный вопрос»	21,3 %	1,9 %
III — «разговор не по делу»	16,8 %	9,6 %
Итого	60,7 %	23,5 %

Даже если учесть, что уход от ответа на поставленные вопросы, видимо, далеко не всегда является признаком некомпетентности, тем не

менее такое их число, как у Н. С. Хрущева, слишком велико, особенно при сравнении с их величиной у Никсона. Возможно, данный разрыв объясняется чисто личностными особенностями последнего, так как по этим трем критериям различие между Н. С. Хрущевым и Дж. Кеннеди несколько меньше, не 2,5, а лишь в 2 раза. Однако и в этом случае оно достаточно велико.

Вторым, наиболее часто используемым типом экстрагитивных методик является ивент-анализ (событийный анализ). Если контент-анализ исследует слово, то ивент-анализ — дело. Точнее взаимодействие, как правило, двух субъектов международных отношений. Все действия каждого из них отображаются на графике, который с известной долей условности аналогичен градуснику, отображающему степень друженности или враждебности отношений. Он имеет следующий вид.

Схема 1

0 - отсутствие конфликтного или кооперативного взаимодействия (индифферентность);

— - конфликтное взаимодействие, его высшая форма — война;

+ - кооперативное взаимодействие (сотрудничество, его высшая форма — интеграция)

По вертикали отмечаются типы действий, а по горизонтали — временные отрезки (обычно день или неделя). Отождествляя то или иное действие с определенным типом, строятся соответствующие кривые, показывающие, кто является, например, инициатором развития конфликта (эскалации), а кто стремится его урегулировать (деэскалация). Аналогичным образом обстоит дело и с сотрудничеством.

Ивент-анализ позволяет получать объективную картину политического взаимодействия и осуществлять слежение за ним. Нельзя,

однако, не видеть, что данная методика, в принципе, весьма трудоемка, и не случайно основное внимание в настоящее время уделяется разработке соответствующих компьютерных программ.

Вышеописанные методики контент- и ивент-анализа зачастую квалифицируются как формализованные, поскольку они имеют строгий алгоритм. В отличие от них агрегативные методики в принципе такого рода алгоритма не имеют, оставляя исследователю определенную свободу выбора, так как базируются на понимании смысла. Именно в силу этого они пока не поддаются компьютеризации, хотя в перспективе в случае создания программ «искусственного интеллекта» данная задача может быть решена.

В заключение следует заметить, что методики, как таковые, характеризуются универсальностью. В частности, в ТМО они были привнесены из других научных дисциплин, т. е. методический раздел ТМО является «импортным», что вполне естественно, ибо они были разработаны, когда она находилась еще в стадии становления.

Вместе с тем универсальность информационно-аналитических методик, в отличие от операциональных, является относительной, так как каждый их тип в известном смысле тяготеет к определенному методу и теоретическому подходу. Если брать логико-интуитивный метод и традиционный историософский подход, то дальше использования агрегативных логико-лингвистических методик дело не идет. Метод исчисления по самой своей природе связан с использованием математических методик. Что касается метода моделирования, то он допускает широкий спектр информационно-аналитических методик, практически без ограничений. Тут основную роль играет специфика теоретического подхода и в ряде случаев субъективное предпочтение исследователя (там, где он обладает «свободой выбора»).

На этом общий и по необходимости лапидарный обзор методологии ТМО можно считать законченным и перейти к рассмотрению вопроса о том, как она работает, но не в рамках традиционной комбинации логико-интуитивного метода и историософского подхода, а в рамках принципиально иной — метода моделирования и системного подхода.

Лекция 5. Система международных отношений и ее эволюция

Сам термин «системный подход» предполагает рассмотрение международных отношений как системы, т. е. как некоего организованного целого, ограниченного от своего окружения (среды). Общепринятое определение понятия «система» — это совокупность взаимосвязанных элементов, образующих некоторую целостность. Исходя из данного определения, можно выделить три уровня ее анализа: состав — элементы, внутренняя структура — взаимосвязи между ними и внешняя структура — взаимосвязи со средой. Изменение состава и (или) структуры системы есть ее эволюция,

а изменение внешней структуры — ее поведение. Применительно к системе международных отношений (СМО) о ее внешней структуре можно говорить лишь весьма условно, т. е. ее средой является природная. Социальная среда у нее отсутствует в строгом смысле слова.

Соответственно, исследование СМО может осуществляться на уровне состава и внутренней структуры. Именно их состояние характеризует качественную определенность любой системы. Если система не является простой (однородной), то разнородность ее состава находит свое выражение в дифференциации элементов на главные — системообразующие и второстепенные. Эти последние могут меняться, а системообразующий элемент — нет, так как он есть инвариант системы. Его смена — это преобразование системы в другую.

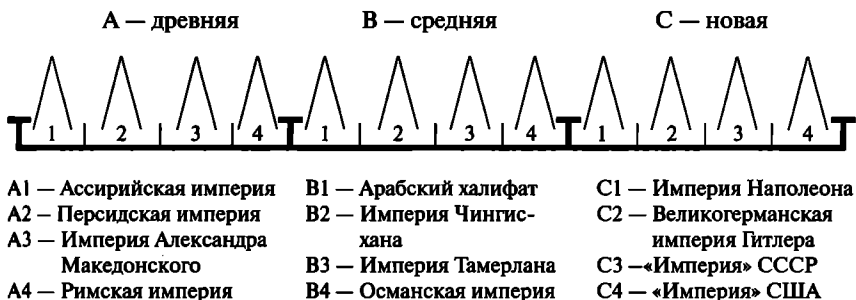
Инвариантом СМО является государство, и пока оно остается системообразующим элементом, она остается таковой. Если государство перестанет быть таковым, то уйдет в прошлое и СМО. Некоторые исследователи считают, что ему на смену придет мировое государство. Наиболее последовательными поборниками данной точки зрения являются так называемые мондиалисты, считающие, что эра национальных государств близится к завершению. Существует и альтернативная точка зрения («националисты») — полагающие, что до этого пока еще достаточно далеко. Выделение государства в качестве системообразующего элемента позволяет отнести генезис СМО ко времени перехода человечества от родоплеменного общества к государственно-организованному. Последнее возникло первоначально и существовало в течение не одного тысячелетия в субтропической зоне евро-афро-азиатского континентального массива. Соответственно, тогда СМО носила трансконтинентальный, а не мировой характер и была окружена племенной средой, борьба с которой проходила с переменным успехом. Однако даже в случае военного успеха племенных объединений и завоевания ими государств они, как правило, сами трансформировались в государства. Трансконтинентальная СМО оставалась простой в том смысле, что ее системообразующий элемент — государство — был единственным.

Усложнение состава СМО произошло в результате появления мировых религий и церкви как самостоятельного институционального субъекта международных отношений. Наряду с межгосударственным взаимодействием стало развиваться и взаимодействие между церквями (понимаемое, естественно, в широком смысле), т. е. ранее единая структура разделилась на две подструктуры. Церковь при всей ее значимости (в частности, католическая церковь претендовала на власть над рядом государств Западной Европы) все же оставалась второстепенным элементом СМО. Вслед за ней появился целый ряд других, начиная с предшественниц ТНК — ост-индских компаний, затем политических партий и движений и кончая разнообразным спектром общественно-политических организаций, профсоюзов и т. д.

Таким образом, доминирующей тенденцией эволюции состава СМО стала все большая диверсификация второстепенных элементов в сочетании с быстрым ростом их численности. Апогеем развития данной тенденции можно считать XX век, и особенно его вторую половину, когда имел место еще и бурный рост числа государств. Последний, однако, во многом был искусственным, т. е. возникли нежизнеспособные квазигосударства.

Если брать тенденцию роста численности государств, иначе говоря, дифференциацию состава СМО на уровне государств, то ей со времени становления противостояла и противостояит другая, интегративная тенденция, выразителями которой выступали так называемые мировые империи. Для наглядности представим эволюцию СМО в виде ниже-следующей схемы, исходя из принятого деления истории человеческой цивилизации (государственно-организованного общества) на древнюю, среднюю и новую.

Схема 2

Приведенная схема нуждается в некотором пояснении. Прежде всего на ней сразу видно, что возникновение «мировой империи» происходило или на объективной, или на субъективной основе. Последняя вместе с тем имела, естественно, под собой и некое объективное основание. Все возникавшие на субъективной основе «мировые империи» были недолговечны. Создание «мировых империй» происходило в результате военной экспансии, т. е. в сущности насильственным путем. В этой связи нельзя не затронуть проблематику «империи» США, которая находится в стадии становления. В отличие от своих предшественниц, она создается с самым широким использованием экономической мощи, культурного научного и идеологического влияния, хотя после окончания холодной войны все более сильным становится тенденция к использованию военной силы.

«Империи» СССР и США демонстрируют своего рода модернизированную форму своего бытия в виде «зоны влияния», состоящей из формально независимых государств-сателлитов. Система сателлитов, обладающих

известной внутренней автономией, является, бесспорно, гораздо более гибкой и эффективной по сравнению с примитивной аннексией. Однако нельзя не учитывать и того, что управление системой спутников — дело, в принципе, достаточно сложное и экономически весьма затратное. Последнее обстоятельство может, как показал опыт СССР, самым негативным образом сказаться на судьбе подобного рода «империи». Не гарантированы от экономического перенапряжения и США.

Империя по самой своей природе — это продукт насильственной интеграции, но после Второй мировой войны особенно интенсивно стала развиваться добровольная интеграция, которая олицетворяется огромной сетью правительственных и неправительственных международных организаций. Первые объединяют системообразующие элементы СМО, а вторые — второстепенные. Причем численность вторых значительно превосходит количество первых. Если число государств на начало XXI в. около 200, то по различным оценкам, число правительственных организаций — от 400 до 600. Гораздо сложнее обстоит дело с исчислением второстепенных элементов и их объединений. Объясняется большой разброс мнений по этому вопросу различием в их идентификации как таковых. В свою очередь, данное различие обусловлено вариативностью представлений о структуре СМО.

Ранее уже говорилось о том, что если качественная определенность состава детерминируется характером системообразующего элемента, то применительно к структуре эту функцию выполняет структурообразующая связь (отношение). В рамках СМО таковыми являются политические. Их упорядоченная совокупность образует политическую субструктуру СМО, которая была и остается доминирующей. Вместе с тем нельзя не видеть, что другие типы связей по мере интенсификации интегративного процесса (глобализация) приобретают все большее значение. Для того чтобы это было достаточно ясным, приведем типологию международных связей (взаимодействий).

Таблица 7

Содержание связи \ Форма связи	А. Конфронтационная	В. Кооперативная	С. Нейтральная
1. Политическая			
2. Военная			
3. Экономическая			
4. Правовая			
5. Идеологическая			
6. Культурная			
7. Научная			

Содержание связи определяется соотношением материального и информационного взаимодействия в ее рамках. Вопрос о возможности конфронтационного взаимодействия в науке остается открытым, ибо ее задача — поиск объективной истины. Возникающие конфликты научных школ, и прежде всего в обществоведении, есть результат внешнего влияния (политического, идеологического, экономического). Военное взаимодействие по самой своей природе нейтральным быть не может. Кроме того, оно, как уже говорилось ранее, представляет собой производное от политического («война есть продолжение политики иными средствами»). Из этого, однако, не следует, что военные связи сами не влияют на политику.

Процесс глобализации, причем особенно экономической, ведет к трансформации мирового рынка в мирохозяйственный комплекс и, как следствие, к непрерывному увеличению значимости кооперативных экономических связей. Деятельность ВТО является серьезным стимулом такого рода трансформации. Если усиление значимости экономических взаимосвязей является очевидным, то повышение роли культурных и научных далеко не всегда осознается. Между тем если брать перспективу, то в связи с переходом человеческой цивилизации с индустриальной на постиндустриальную (научно-информационную) стадию их влияние на все другие будет становиться все большим.

Хотя вышеотмеченные изменения наиболее интенсивно стали происходить в XX в., и особенно в его второй половине, но тем не менее их все же, в строгом смысле слова, нельзя считать экстраординарными. Они были подготовлены всем предшествующим ходом эволюции структуры СМО. Если вернуться к эволюции состава СМО, то нетрудно заметить, что параллельно с ней происходила и эволюция ее структуры в плане появления и развития новых типов взаимосвязей. Диверсификация и интенсификация взаимосвязей элементов СМО делали ее все более целостной. Исключением в этом смысле было и остается военное конфронтационное взаимодействие в форме вооруженных конфликтов (войн).

Не углубляясь в проблематику войн, тем не менее на некоторых особенностях их эволюции нельзя не остановиться, хотя бы ввиду того, что создание и гибель империй, как правило, в прошлом было результатом войн, причем не только внешних, но и внутренних (гражданских). Если не вдаваться в отдаленную историческую ретроспективу, а ограничиться XX в., то до Второй мировой войны преобладали внешние, т. е. межгосударственные войны, в соотношении 80 % и 20 %. После нее оно изменилось в обратной пропорции в пользу внутренних войн. Во второй половине XX в. уже 80–85 % войн были внутренними, хотя примерно четверть из них были интернационализированными, т. е. осложненными участием других государств и (или) организаций (второстепенных) элементов СМО.